

АНДРЕЙ ФЕДАРЕНКО

АЛЕСЯ

РАССКАЗ

I

Володин приезжал в этот поселок на западном берегу Крыма третий год подряд, в одно и то же время, в сентябре, и селился у одних и тех же хозяев и даже в одном и том же коттедже.

Золотая пора, бархатный сезон, курортников с детьми нет, людей мало, соответственно, падают и цены, что для экономного Володина было очень даже немаловажно.

Он выбирал западный берег — степной Крым — еще и потому, что его пока мало освоили, мало загадили по сравнению со знаменитым южным Крымом.

Ему хотелось просто купаться, пить вино, есть виноград, гулять в одиночестве, наслаждаясь им, обретая душевное спокойствие и избегая всего, что могло бы его нарушить.

Володину было далеко за сорок. Если точнее — пятьдесят. Ему было приятно бродить без цели, думая о том, какой за свои полвека он приобрел опыт, как изведal жизнь, людей — не то чтобы глубоко, по-философски, но достаточно для того, чтобы ориентироваться в этом мире без компаса.

Потом, зимой, в Минске, он вспоминал свой уютный посёлок, море, степь, ветер, солнце, уединение... И так хорошо, спокойно становилось на душе — как бывает всегда, когда память обманывает тебя, заставляет забыть

ФЕДАРЕНКО Андрей Михайлович родился в 1964 г. в д. Березовка Мозырского района. Окончил Мозырский политехникум, Минский институт культуры. Прозаик. Автор книг прозы “Гісторыя хваробы”, “Смута”, “Шчарбаты талер”, “Афганская шкатулка”. Лауреат Литературной премии им. И. Мележа. Живет в Минске.

прошлые неприятности, а ты, в свою очередь, обманываешь ее, поддаешься, с готовностью забывая всё, что хочешь забыть.

Володин вспомнил свою прошлогоднюю радость, он хотел бы всё один к одному повторить, даже механически скопировать. Вот он сядет в поезд — ах! — эти вокзальные объявления: Минск—Симферополь, Гродно—Анапа!.. И будет дорога, знакомая, долгая, двое суток, с редкими короткими остановками, с продавцами на перронах — почему-то в глаза бросаются одни только варёные раки, красные, большие, как лангусты... Джанкой, Симферополь — и крымский запах начинает щекотать ноздри и кружить голову... Вот маршрутка, и виноградники, и ореховые деревья вдоль дороги, а за ними, где только чистое поле, символ нового Крыма — татарские будки самозахвата. Но всё закончится, и маршрутка подойдет к поселковой автостанции, он выйдет и не спеша отправится по знакомой улице, где знает каждую выбоину — дороги и тротуары здесь совсем не ремонтируются. Дом, клумба около дома. Радость хозяев при его появлении. Коттеджик, комната — та самая, даже, кажется, те самые — прошлогодние — скрученные липучки для мух свешиваются с потолка. И этот непривычный для белорусского уха звук, все время — шух, шух... Море! Невидимое, но такое близкое!

Как мечтал, так и случилось.

Заехал хорошо, хозяйва радостно встретили его, как родного, ключ дали, и комнатка с ним поздоровалась — та самая, на одного человека рассчитанная, и терраса, и клумба сказали только ему одному слышные и понятные слова, и пёсик Лева — ничуть не подросший за год — узнал его, лег на спину и помахал всеми четырьмя лапами.

Когда Володин распаковывал сумку и переодевался, вошла хозяйка, молодая, но, как санитарка в больнице, особо не отворачивалась. Пришлось выслушать Володину, что ночью был шторм, тот самый, который бывает в начале каждой осени и называется *бара*. Приходит он сюда из бухт Новороссийска, рушит все на своем пути: ломает деревья, размывает пляжи, срывает с якорей корабли и не успокаивается, пока не наберет себе жертв. Вот и вчера с высокой прибрежной скалы смыло молоденькую девушку, которая снимала стихию на мобильный телефон и не удержалась, соскользнула по высокому откосу в морскую пучину...

Володин не особо внимательно слушал. Он поскорее натянул шорты, сунул ноги в лёгкие сланцы, схватил полотенце и побежал к морю. На море стихал шторм. Обманчиво-жалобно плакали чайки и альбатросы. Подмытый высокий берег был в зигзагах трещин. На него всё ещё набрасывались грязные волны с длинными полосами водорослей и жёлтой пеной на гребнях, но уже не долетали, оставляя между водой и берегом метров десять мокрого пляжа.

Тем не менее, люди у моря были: кто в одежде, кто раздетый, сидели, ходили, ища камешки, по пляжу. Несколько зевак посматривали и пальцами и мобильниками указывали на злосчастную скалу.

Володин, на ходу раздевшись, зашел в волны, обмер от холода и неожиданности, затем привык, поплавал, поньрял, скоро оглох от шума, наглотался горьковато-солёной воды, побил ноги о камни, которые перекатывали волны у берега... Когда, как раненый — руки болтались, в ушах звенело — выбрел на берег, какая-то девушка попросила его помочь ей укрепить зонтик. И это в такую погоду, без всякого солнца! Девушка по возрасту годилась ему в дочки. По-русски говорила она так, как говорят все без исключения белорусы (а потом удивляются, почему их разоблачают по одному-двум словам за пределами Беларуси), с тем еле уловимым “дефектом”, который не исправит никакой логопед минимум еще лет пятьдесят.

— Ну, что, землячка, закрутим курортный роман? — спросил Володин. Получилось не столько фривольно, сколько некрасиво — старик “клеит” молоденькую. Но не он же первый навязался, попросили его, поэтому он нарочно ещё и повторил, вкручивая в твёрдый, утрамбованный штормом пляж толстую ножку зонта:

— Так что, землячка, будет у нас роман?

— А как вы... угадали? — она немного испуганно потрогала свой кур-

носый бульбашский, в веснушках, носик, и на её пальце блеснуло обручальное колечко.

— Ой, — приветливо сказал Володин, сражаясь с ветром и зонтом, — прошу прощения. А как угадал? У меня целая теория, как земляков узнать, расскажу обязательно, пляж маленький, непременно будем встречаться...

Девушка была совсем не загорелая, поэтому он подумал, что она тоже недавно приехала. Зонт был укреплен. На прощание познакомились: звали ее Алеся.

— Такая молодая, а уже Алеся, — пошутил Володин и пошёл, довольный и знакомством, и своей шуточкой, и самим собою.

Но снова глаза его наткнулись на скалу... Какое всё же, подумать, кощунство, вот так просто жить, шутить, когда где-то в море шторм носит тело несчастной жертвы... Володин, человек книжный — он работал в отделе редкой книги Музея древностей, — вспомнил, как читал недавно: идет гражданская война, отдыхают люди на берегу Днепра, выпивают, закусьвают, рядом у берега тихо качается в воде, среди гнилой травы, раздутый труп, и когда набегают волны, шевелится дряблый белый бурлак его, и женщины тогда резко, с хохотом показывают на него...

Так и здесь. Как же научилась жизнь близко сосуществовать со смертью, какое покорное, циничное смирение: ну, жизнь, ну, смерть — не портит же себе отдых из-за того, что какую-то неосторожную дурочку унесло в море!..

И правда — скоро, скорее даже, чем надо, забылся эпизод с утопленницей, и Володин стал жить так, как хотел.

А жить он хотел так, чтобы как можно меньше хотеть. План его состоял из отсутствия плана, а режим заключался в том, что его не было.

Не нужно к этой жизни серьёзно относиться, давно решил Володин, — она того не заслуживает. Всё равно она такая короткая, кончается смертью, осталось её мало, всё кругом — одно зло: женщины — зло, и деньги — зло, и добро — тоже зло, так как требует действия. А потому не стоит и пальцем шевелить — ни ради денег, ни ради женщин, ни ради добра; а только идти вслепую за судьбой, вместе с тем не отталкивая и блюдечка, на котором судьба может вдруг поднести какой-нибудь приятный сюрприз: дают — бери, бьют — беги.

Так думал Володин, сидя на террасе и попивая белое вино. Чувствовал он себя прекрасно. Всё ему здесь очень нравилось: и комната, и тенистая терраса, и вкусное лёгкое вино... Краешек Европы. Эти столики перед каждым коттеджем... Замкнутый прямоугольник двора, посредине — клумба-цветник, в конце — огромное разлапистое дерево грецкого ореха, еще дальше — персиковый сад и огород, с которого хозяйка каждое утро, пока Володин спит, приносит и кладёт ему на столик один-два, только что с куста, помидора "бычье сердце", чёрных, размером чуть ли не с детскую голову, и пару свежих куриных яиц. За это у Володина была небольшая обязанность: приносить матери хозяйки, старенькой бабушке, морскую воду в двухлитровой пластиковой бутылке. Володин живо представлял, как ей, слепой, столетней, без её моря, как ей хочется хотя бы понюхать ту воду, попробовать её на вкус.

Он брал бутылку и шёл на пляж. Было так хорошо в шортах и в лёгкой майке. Белая от южной пыли тропинка рядом с асфальтом мягко ложилась под ноги. Солнце только выглядывало из-за белоснежной шапки Ай-Петри: маленький Крым, если даже отсюда с высокого места в хорошую погоду можно увидеть ялтинские горы! Всегда внезапно открывалось море, разрезанное солнцем пополам: у горизонта — голубое, а у берега — тёмно-синее. На пляже он сразу узнавал Алесю — по знакомому зонту, к тому же она любила сидеть на одном и том же месте. Следствие обручального кольца — двухлетняя Лизка, очень спокойная — молча возилась рядом с мамашей в песке, голенькая, загорелая, в отличие от матери, до шоколадного бархата, только светился белый треугольничек от трусиков.

— Я снимаю ей трусики в хорошую погоду, а когда холодно — надеваю, — объяснила Алеся; сама она загорать не любила и была белая, как сыр.

Они уже были своими, на ты, она о нём знала, что он давно разведен и живет в Минске бобылем в двухкомнатной квартире, хотя и в спальном районе, но недалеко от метро. А он о ней, помимо этой Лизки, — что она из провинции, что работает “в сфере торговли” и что им с дочкой остались последние дни отпуска.

— А ты не боишься? — спросил Володин. — Ну, с такой малой? Вон как спеклась.

— Я в том году ее веревкой к ноге привязывала. Сама сплю под зонтиком, а она возится у берега, на мели.

Володин подумал, покашлял и сказал, словно оправдываясь:

— У меня сын.

— Большой?

— Как ты. Теоретически могла бы быть такая же внучка, как Лиза. Только я с ним почти не вижу, — почему-то добавил он.

— Вы мирно разошлись с женой? — спросила Алеся.

— Мирнее не бывает. Она ещё при мне... с одним из министерства... Потом вышла за него, а мне купили квартиру, так что все должны быть счастливы.

— Скучно одному в двух комнатах, — заметила она.

— Ничего подобного. Да и есть у меня женщина... Правда, у неё свои дети, своя квартира...

Рассказал он и обещанное — как узнает белорусов на чужбине. Торговец-украинец на базаре поставил у товара вывеску: “Це слива, а не тыква!” А для меня, говорил Володин, совсем не обязательно вешать на лоб человеку бирку: “Це белорус, а не немец”. Само собою акцент, умеют загорать без солнца, купаются в холодной воде, вместо тишины и уединения выбирают компании... Белорусские мужчины всегда ходят в носках, неважно, что на ногах — сланцы, сандалии, зато педикюриши утверждают, что у белорусских мужчин самые ухоженные ступни в мире. Это Володин тоже вычитал где-то.

После утреннего купания возвращался он в коттеджик бодрый, помолодевший. Подбегал, махая хвостом, Лёва, которого Володин называл за узкую изогнутую спину Сабля, и он отзывался на Саблю.

Из соседей по дворику был один знакомый, седой старичок Исидорович из города Луганска. Володин приезжал сюда третий раз, а Исидорович — ровно двадцать лет, ни одного сезона не пропустил, сначала ездил с женою, потом, когда она умерла, стал ездить один. Селился он всегда в мазанке, маленькой, приятной и снаружи, и внутри, там даже печка была — на стылые ночи. Исидорович был поэтом районного масштаба. Иногда ему удавалось затащить Володина к себе в мазанку. Стол ломился там от крымских яств, разных выпивок-закусок, а Володин вынужден был слушать длинные, бескрайние, как луганская степь, поэмы на украинском языке с еврейским акцентом: “Ой, ты ридна матухна, ой, Украина моя!» Кончалось тем, что осоловелый Володин бесцеремонно зевал, смотрел на часы, на полстроке поднимался и подавал старому поэту-патриоту руку:

— Ну что ж, желаю защищать вашу Украину, как луганский слесарь Клим!

Других соседей Володин не знал и сходил с ними случайно. Литовец Стась — Станиславас, аскет, педант, всё у него было разложено по секундам, по всему было видно, что человек приехал не валяться на солнцепеке, а оздоровить свой организм, отремонтировать, как механизм. Володин поднапрягся, вспомнил несколько слов по-литовски и при каждой встрече со Стасем приветливо говорил: “Малони юс матати” (рад вас видеть) и “герое нактиес” (доброй ночи). Симпатичный здоровяк-литовец улыбался и осторожно пожимал руку Володина выше локтя.

Была ещё одна мадам из России, из Петербурга, которую никто в их дворике не любил за чопорность, да и она никого не любила, даже ни с кем не здоровалась. Володин подыгрывал ей — ах, вы из культурной столицы, из города на Неве, и она таяла, превращалась в милую русскую женщину и откровенно рассказывала, что у неё проблемы с невесткой, что сын сильно пьёт,

что он живёт в Башкирии, а сама она не из Петербурга — из пригорода, с трудом собрала за два года деньги на отдых, что здоровье уже никакое.

Две старушки-харьковчанки жили у Володина за стеною, приехали сюда на неделю в складчину, занимались тем, что целыми днями варили на кухне борщ и потом ели его на террасе, весело и часто постукивая ложками. Володин ни разу не видел их у моря, они, скорее всего, ни разу к тому морю и не ходили.

Много было перекаати-поля — на собственном транспорте, из Украины, России, Беларуси; гнались за погодой-природой, а находили, как правило, только приключения: то лопались шины, то обворовывали их, то разгорались между ними ссоры: “Ты же обещал солнце — и где оно?!” Через пару суток они срывались с места и неслись дальше в поисках лучшей доли.

Володин видел и слышал всё это, когда ходил обедать в соседний двор, к татарке — огромный дом, трехэтажный, с балконами, двор напигован толстозадными джиписстыми, ниссанистыми, мицубисистыми машинами... Впрочем, они несколько не мешали Володину.

Маленькую столовую накрывала тень виноградника, на тушёную баранину слетались мухи, но все равно было приятно, и вкусно, и смешно, когда старуха-татарка спрашивала: “Вам насыпать борща?” — “Насыпьте”, — отвечал Володин. Посреди двора выложили из разноцветных камешков и наполнили водой крохотный водоёмчик, в котором жила черепаха с маленькой дочкой; дочка любила залезать матери на спину и так греться. Дети кормили их колбасой и кусочками сала, черепахи охотно ели.

После обеда опять был пляж, но теперь под навесом, в теньке — знал Володин по горькому опыту, что в сентябре можно сгореть сильнее, чем летом. И снова он видел на пляже знакомый зонт, и хотя недолго был знаком с Алесей и Лизкой, опять безобидно шутил: “Так как насчёт курортного романа, землячка?” — на что Алеся только улыбалась, точно так же, как литовец, которому Володин желал доброй ночи солнечным утром.

Вечером Володин отправлялся на неспешную прогулку по набережной. За бетонными ограждениями, за проволочными заборами прятались в роскошной зелени дома отдыха, профилактории, санатории со своими бассейнами, кинотеатрами, отделениями почты, газетными киосками, и конечно, самыми разными экзотическими кафе. Можно было завернуть туда и полюбоваться цветами и деревьями, а можно было просто идти по набережной, минуя один за другим эти островки цивилизации, и вот они кончались, и начинались заросли карагача — крымской мелкой жёлтой акации, которая уже осыпалась, и листва по-осеннему шуршала под ногами. Ещё дальше — лесок лиственниц, где остро пахло смолой и белорусскими соснами, и с обеих сторон дороги — в человеческий рост поросль такого похожего на василек голубого цикория. А после все кончалось, и открывалась голая степь — только вдалеке торчал наполовину раскопанный скифский курган.

Степь... Полное безлюдье. Голый, как проволока, курьял звенит на ветру. Ветер налетает порывами, довольно сильный, тревожный своей первобытной чужой дикостью. Одинокий конь-крымчак с ржанием, с поднятой гривой носится туда-сюда, ловя этот ветер, взбрыкивает, подбрасывает зад... Попробуй окажись у такого на пути!

И когда Володин стоял на высоком обрыве: позади — степь, впереди — морской простор, красное солнце опускается в синее море, — когда жадно дышал горьковатым от ковыля и йода воздухом, ему казалось, что он ощущает плотность этого воздуха физически, словно находится в лёгкой прозрачной жидкости, — тогда ему хотелось сбросить одежду, чтобы вбирать этот воздух не только легкими, но и каждой клеточкой тела...

Эти прогулки, адаптация, уединение, экзотика, с одной стороны, приносили Володину тихое, умиротворенное, почти детское чувство гармонии, ощущение, что ты хозяин своего тела, своих мыслей и даже своего настроения (например, он мог приказать себе светло погрузиться, а мог переключить рычажок на беспричинную радость), а с другой — он в такие минуты остро чувствовал, насколько ничтожен человек перед молчаливым величием природы. Вот она, природа, и есть настоящее, главное, вечное, а человек — все-

го-навсего временный фон, переменчивая декорация, листва на древе жизни, зелёная — в молодости, жёлтая — в старости... Сникнет и осыплется, а это солнце, море, степь как жили, так и будут жить...

Гармония исчезала поздним вечером, когда Володин ложился спать. Из каждого второго кафе с набережной несло: “Молодос-ц-ц моя, Белорус-с-сыя!” — лезло в уши, действовало на нервы... И вспоминался Володину лес, грибник в наушниках, с мобильным телефоном, который ищет грибы и одновременно сообщает другу о каждом своем шаге, или рыбалка — однажды утром во тьме, перебив комариный звон, пеньё соловьёв и петухов, из открытых дверей машины резанула магнитола.

Володин хватался за беруши, грустно усмехался. Он, как, впрочем, и многие из нас, любил своих земляков дома и не больно-то жаловал их на чужбине. Исключение было только для женского пола, здесь он вынужден был признать, что белоруски — самые лучшие женщины в мире, по крайней мере, внешне; ему легко было так считать, потому что иных женщин он не знал.

II

Стояло теплое солнечное утро. Сонно накатывали на берег ласковые волны. Алеся сидела под косо воткнутым в песок зонтом. Володин лежал на животе рядом. Он только что искупался, заплыл со своей бутылкой далеко, чтобы набрать воды почище, и теперь мокрые от солёной воды его волосы торчали, как у дикобраза. Неподальку сидела на корточках Лизка и сосредоточенно стучала камнем по камню: тук-тук-тук... Это был самый громкий звук на пока еще малолюдном пляже — маленький курортный посёлок просыпался поздно даже в такое погожее утро.

Завтра Алеся с малышкой должны были уехать, и Володин философствовал на эту тему.

— Вот так всегда; встретились, познакомились, прощаемся — легко, весело, словно у нас в запасе вечность, — тихо говорил он, лежа на животе и пересыпая из ладони в ладонь тёплый золотой песок. — А между тем судьба, когда сводит людей, наверняка же дает им шанс на что-то большее, чем “здоровствуй” — “до свидания”. Впрочем, все мы в этой жизни пассажиры, едем в поезде с надписями на вагонах: рождение — жизнь — смерть, и никто не знает, в какую минуту может постучать проводник. Не оригинально? А что теперь оригинально? Человечество начинает повторяться, безнадежно пробуксовывать, и это наводит на самые печальные мысли. Мы же должны если не быть, так хотя бы стараться быть более умными, чем те, что жили до нас. А мы как думаем? — А-а, не мы первые, не мы последние... И по привычке всегда готовимся к худшему. А вдруг возможно лучшее? Мы этого не знаем, и не ошибаемся только потому, что не ищем...

Володин говорил с тем удовольствием, с каким одинокие люди, найдя себе благодарного слушателя, дают, наконец, волю языку. Он нес всякую чушь, банальные, прописные истины, и отлично понимал это. Но она слушала так внимательно, серьёзно, с одобрением каждого его слова, что Володину всё больше начинало казаться, что она понимает его и что он действительно говорит важные вещи.

Пожалуй, до встречи с ним у неё голове была уже порядочная каша, а теперь она постепенно перенимает его взгляды, его мировоззрение, причем с благодарностью, с готовностью быть на второй роли, с готовностью признавать его верх.

“А хорошо, что она замужем, — подумал Володин, идя с пляжа на завтрак. — А то действительно пришлось бы роман закручивать — вот было бы!..”

Вечером они снова увиделись. Сидели в кафе на набережной, запивали вином горячие шашлыки, любовались природой. У Володи на коленях устроилась Лизка. Вечернее солнце, белые чайки, зелёные очертания скал, спокойная синь моря, лирика начала осени, светлая грусть уходящего лета...

Володин размяк от вина, от мяса, от красивого пейзажа, от молодой женщины рядом, и его потянуло на воспоминания.

— Как жаль, что мы никуда не съездили. В Судак, Феодосию, в ту же Ялту...

Он рассказал, как давно, еще студентом, впервые попал в Ялту, с деньгами только на обратный билет и на маленькую порциюпельменей в сутки, наивно думая, что перебьется одной экзотикой и святым духом. Ночевал где попало: на скамейках, на пляже, на асфальте, который ночью остывал до минуса. Днём он только и делал, что слонялся возле шашлычных, голова кружилась от запахов, музыка играла, люди гуляли, покупали что хотели... И он дал себе слово когда-нибудь приехать сюда другим человеком, не затюканным голодным зверьком, а таким, как они, хозяином жизни...

— Исполнилось желание, — сказала Алеся.

— Приехал. В Ялте побывал. И увидел не тот город, а сегодняшний — роскошный, миллионерский... Я вырос, и Ялта выросла. И оказалось — мало я достиг по сравнению с тем студентиком. Лучше бы я хвастался не тем, что человек книжный, а тем, что при деньгах: бедность, конечно, не порок, а обычное свинство...

Опускалось солнце, и от него через все море на спокойной воде дрожала и переливалась широкая полоса; цвет импрессионистов — как если бы сиреневое наложить на золотистое.

— И я понял: не надо ни за чем гнаться, все равно не догонишь (говорил Володин противоположное своим утренним словам). А если и выбирать в разные путешествия-странствования, так только затем, чтобы лучше понимать ценность своего, еще больше ценить то, что имеешь, с чем живёшь рядом...

Тут Володин с Алесей заметили, что Лизка, обняв его за шею, спит, как котёнок. Так он ее — мягкую, тёплую, и донес до самого дома, а там осторожно передал матери. Алеся понесла её в дом, а он остался ждать.

Как быстро, внезапно темнеет на юге! Из ничего стусутилась ночь, тёмная, плотная, протяни руку — пощупать можно. Над головой на небе крупные, с кулак, проступили звёзды необычной яркости, а рядом через заборчик на клумбе — такие же крупные белые цветы дурмана, которые распускаются только на ночь. От их запаха разболелась голова. Было очень душно. На уличных столбах зажглись фонари, тьма немного отступила. Вышла Алеся.

— Спит...

Не спеша пошли к морю. Впервые они остались вдвоём. Володин видел — не столько видел, сколько чувствовал, — что Алеся хочет что-то ему сказать. Но никак не мог остановиться.

— Вот... Значит, едешь... Значит, так мы и не попали в Ялту... Жаль. Ялта — город Богдановича и Чехова. Помнишь Чехова?

— Кого-кого? — она бессмысленно взглянула на него. — Чехова? — и рассмеялась.

— Ну, так и я о том же! Он пишет: стоять с молоточком за дверями каждого счастливого и стуком напоминать, что есть несчастные. С молоточком... Счастливых, наоборот, — надо оберегать, равняться на них, завидовать им, а беды их и без молоточков найдут! Или — спешите делать добро, пока молодые. А какое добро, что это такое — не сказано. Или возьми ты “Собачку с дамой”. Ах и ох, он рвёт на себе волосы, она ломает руки, ведь замужем, а он женат. Если бы это написал не классик и если бы не броское название, — сердито говорил Володин, — никто бы этого не читал и фильм бы не ставил, ведь весь смысл, вся романтика здесь — в незавершенности. А сведи-ка их, пожени, да ещё перенеси в наше время, в сегодняшний мир — они через час завоюют... Классики. До сорока лет еле доживали... Нет — если ты гений, научи меня, как спокойно и долго прожить — тогда я поверю в твою гениальность!.. Так же? Ты согласна?

Они зашли на пирс, дошли до самого края. Справа, и слева, и спереди жило, шумело море, а сзади, с набережной, падал на пирс свет, и когда Алеся поправляла волосы, блеснуло кольцо.

— Спасибо тебе...

— За что?

— Что ходишь со мной, рассказываешь... Никогда в жизни таких умных людей не видела... И хороших.

Ему было и приятно, и немного стыдно. Он болтал от нечего делать, для собственного удовольствия, и она, видно, воспринимала все всерьёз. А он... “закрутим роман”... Ничего ей не подарил, никуда не свозил... Даже не выслушал ее толком. И ему захотелось как-то исправиться, хотя бы сказать ей приятное слово.

— Знаешь, Алеся, если бы ты не была замужем...

— Замужем? — переспросила она. — Вот цена этому замужеству, — стянула с пальца кольцо и бросила в воду с пирса. Володин ахнул, инстинктивно рванулся, чтобы подхватить его, и чуть не упал. Она, смеясь, поддерживала его.

— Бросают монетки, чтобы возвратиться, вот и я что-то бросила. Нет у меня никакого мужа. И не было никогда...

Так вот оно что, вот в чём она хотела признаться ему весь вечер! Впрочем, вся ее история уместилась в несколько предложений. Ещё в школе влюбилась в женатого, забеременела от него. Он не развелся, она родила Лизку. Можешь вообразить, Володин, каково жить с ним в одном поселке, ходить по одним улицам, работать в магазине — всегда на чужих глазах, чуть ли ни ежедневно видеть его, да и жену его... И не вырваться никуда и никак.

Она рассказывала просто, доверчиво, как очень близкому человеку. Володин растерянно помолчал, затем спросил:

— Кольцо зачем купила?

— Сама не знаю... Чтобы меньше цеплялись. Ну, что, пойдем, за малую боюсь... Проводи меня? — она взяла его под руку.

И пока они шли, все мгновенно продумал и понял Володин.

— Слушай, Алеся... Тебе надо спасаться — это ясно! Слушай: вот если бы — ну так, просто допустим, — если бы нашелся человек, старше тебя, в Минске... Не я, другой! И предложил тебе... Забрал тебя с дочкой в Минск. Он бы получил молодую, красивую, хорошую жену, определенный авторитет, семейный уют, она — в смысле ты — столичную регистрацию и спасение из ада... Но главное, у каждого в любое время полная свобода разбежаться! Как бы контракт. Никто ни с кем ничем не связан. Само собой, тот человек не пара тебе, старый, ворчливый, со своими привычками... Правда, не злой. Если бы такой человек нашёлся — пошла бы?

Она ничего не ответила, только крепче сжала ему пальцы. И Володин понял: не просто пошла — побежала бы.

На длинной улице только на двух столбах горели фонари, в начале и в конце, а посередине было темно. Володин с Алесеем как раз проходили темный участок.

“Ну, давай! — приказывал себе Володин. — Соберись! Скажи, что этот человек перед тобой, это я, она же ждёт этого!..”

Но Володин собирался-собирался, открывал-открывал рот, набирал-набирал в грудь воздух — и так ничего и не предложил. Может, завтра, ещё же будет завтра...

Вышли к свету, к дому Алеси. Попрощались.

— Придешь нас проводить? — спросила она обычным голосом, в котором не было ни разочарования, ни обиды.

— Спрашиваешь — конечно!..

Не зря так парило. Ночью начался ливень и лупил до утра, с громом, с белыми молниями — они видны были даже через сомкнутые веки. Володин не спал и слышал, как совсем близко стонет, рвется, бухает море, как играет во дворе ветер и трещит под окном старое ореховое дерево. Страшно-вато было ему, континентальному человеку, как будто в ожидании, что вот-вот ветер поднимет и понесёт этот коттеджик вместе с ним в белый свет...

Утро встретило его пасмурной, ветреной неуютностью. Во дворе стояли лужи, клумбы с цветами были перемешаны с мокрой землей. Отломалась и лежала на земле большая ветка ореха с неспелыми плодами.

Володин пришёл точно к маршрутке, а на остановке ему сказали, что дама с ребенком уехала на такси! Он и не подумал, что маршруткой на поезд не успеть. Сначала хотел было броситься к частникам-таксистам... Потом (*трус, трус-белорус!*) махнул рукой и медленно пошёл к морю.

Как неприятно получилось. И вместе с тем в душе он чувствовал небольшое облегчение, потому что за ночь он так и не решил, что ей скажет.

На пляже после ночного шторма всё было почти так же, как в день его приезда. Низкие тучи, крики чаек, холодное сердитое море, шумные накаты волн с жёлтой пеной на гребнях... Подошёл молодой армянин, укоризненно посмотрел на Володина, сказал чуть ли не со слезами в голосе:

— Обидно! — и понятно было, что он хотел этим сказать: так ждал теплого моря, солнца, так об этом мечтал, добирался — и на тебе...

Обидно было и Володину, только по другой причине. И кто его тянул за язык? Зачем он дал ей надежду? Вот уж и правда: чем старше, тем дурнее...

Да — старше! Да — мало жизни осталось, и чем ближе к концу, тем она бестолковее... И стоит ли так уж за неё цепляться? Любой ценой продлевать на какую-то пару паршивых лет? Это же так просто: пожертвуй хотя бы остатком её для кого-то, подвинься внутри себя, поделись — тебе же самому лучше будет, смысл во всём появится, пресловутый стакан воды будет кому подать, да и умирать не так страшно!

Может, и правда? Поехать в тот посёлок... Сделать доброе дело... Помочь человеку, даже двум... Для тебя это никакая не жертва, или очень маленькая жертва, а для Алеси с дочкой — счастье, спасение. Что он теряет? Свою так называемую свободу?

Не факт, что согласится, — цеплялся Володин за соломинку, но не спасала она. Ещё как согласится! Не ради себя, так ради дочки.

Через десять лет ему стукнет шестьдесят, ей тридцать. Весёленькая же у них будет семейка! Хорошо, если десять лет — ого! — а скорее всего, месяцев десять... И потом — разве он кому-то что-то должен? Разве мало его жизнь учила? Разве мало он положил здоровья и сил, чтобы обрести спокойствие и душевное равновесие — самые большие в мире ценности?

Ну, нет! Живите, дорогие, как знаете, без меня, а я из своей скорлупы в ваш мир не вылезу, уж очень хорошо он мне знаком!..

Так рассуждал Володин. А покоя не было, никак не получалось, как раньше, переключить в себе рычажок на тихую эгоистическую радость от простого существования.

И ещё он заметил, что как-то особенно пристально вглядывается в мокрый песок под ногами, надеясь увидеть там золотой блеск.

*Перевод с белорусского
Натальи КАЗАПОЛЯНСКОЙ*